

пролог

«Побежали!»

Я открыла входную дверь, собираясь поискать что-нибудь на ужин, и вышла из дома на острове. Достала немного кимчи из закопанного у крыльца кувшина и уже хотела вернуться обратно, но взглянула на небо и незаметно для себя самой поднялась на вершину острова. Сердце колотилось сильно и часто — то ли потому, что шла быстро, почти бежала, то ли из-за красоты заката.

В преддверии зимнего солнцестояния, самой длинной ночи в году, ветер с открытого моря обдувал весь остров — будто ласково его поглаживал. У берега высокие волны обрушились на камни, и чайки, отдохавшие на прибрежных скалах, разом взлетели в небо. То, как несколько чаек ныряют под тень вздымающейся волны и снова выныривают, — всегда удивительное зрелище. Волна словно пытается заключить их в свою белую пену, но каждый раз терпит неудачу: она

поднимается, катится вперед и снова и снова разбивается о скалы.

Я полюбовалась алым закатом на западе и «серфингом» чаек на востоке, а затем направилась домой. На ужин — тушеная треска. После того как на прошлой неделе сюда приезжала Хёнчжу и мы поужинали вместе, ветер и волны разыгрались так, что о нырянии не может быть и речи. Похоже, какое-то время придется жить на сушеной рыбе. Я уже шесть месяцев на этом острове и все это время тщательно высушивала всякую рыбу, которую ловила, и делала запасы — так что хотя бы о еде можно не беспокоиться, и за это я благодарна.

Пужинав, я под светом настольной лампы пролистала блокнот, где записываю свои ежедневные дела. В мае этого года я приехала в порт Томун, а затем целый месяц училась морскому делу на судне «Ёнильхо», где капитаном работает Хёнчжу. А потом я решила поселиться на этом острове. В записях — количество пойманной за день рыбы, собранных или поднятых водорослей, срезанных или принесенных дров: «18 сентября. Удочкой — одна треска, из ловушки — три краба; корзина приморского фенхеля». Встречаются и обрывки мыслей: «Сегодня внезапно чуть не написала папе сообщение с просьбой купить токпокки. Успокоила себя, отправив сообщение в пустоту».

Жить в одиночку на острове, да еще и на необитаемом, — значит отказаться от прежнего образа жизни. Когда я впервые приплыла сюда, у меня были мобильный телефон, беспроводные наушники, планшет. Но телефон без связи оказался бесполезен, а наушники и планшет почти не нужны — со временем они перекочевали вглубь сумки.

Зато у меня есть надежная покровительница — Хёнчжу из порта Томун. Кроме тех дней, когда она не может выйти в море из-за волн, она каждый день, возвращаясь с рыбалки, сигналиит мне зеркалом, чтобы коротко поздороваться. Иногда она ходит на остров и оставляет вместе с продуктами теплую записку. В такие дни, как сегодня, когда волны высоки и никто не может причалить, я особенно ясно понимаю, насколько ценны и важны для меня эти короткие приветствия.

Одиночество трудно выносить. Говорить, что я наслаждаюсь им, — значит обманывать себя. И все же правда в том, что большую часть времени на необитаемом острове мне спокойно и удобно, а иногда я даже по-настоящему счастлива. Вчера я ходила к каменистому холму на юге острова погреться на солнце. Ветер стих, и сидеть на теплом солнечном склоне было уютно и приятно. Я задремала и увидела хороший сон. Во сне я плыла под водой — и даже в полусне меня удивило, что

прежняя городская жизнь в нем не появилась. Может быть, потому, что я избавилась от всех лишних мыслей, когда полностью сосредоточилась на выживании здесь? Или потому, что жизнь на необитаемом острове теперь подходит мне так хорошо, что я больше не тоскую по прошлому?

часть 1

цвета раннего лета

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

одна на острове

— Кто здесь? Эй, тут кто-то есть? — крикнула я во весь голос, но ответа не получила.

На руках тем временем уже проступили крупные мурашки. С замершим сердцем я осторожно поднялась. Вокруг было тихо. Но нет... Я ведь точно слышала, как кто-то стучал в дверь... точно слышала, как ее кто-то дергал...

Хёнчжу уплыла на пароме в четыре часа. Попрощавшись с ней, я первым делом поднялась на самую верхнюю точку острова, где росло несколько сосен с внушительными стволами. Одна из толстых веток нависала прямо над моей головой. Я встала рядом с этим могучим, возвышающимся надо мной деревом и провела рукой по коре. Возможно, это дерево впервые чувствовало человеческое прикосновение с тех самых пор, как пустило корни, будучи еще молодым ростком. Однако ощущения от этого касания удивили прежде всего меня саму. Привыкшая к приветливым гладким городским соснам,

к которым постоянно прикасаются чьи-то руки, я не ожидала, что кора этой сосны окажется такой грубой и шершавой.

Под деревом толстой подушкой лежали сухие сосновые иголки. Отличная растопка. Я собрала целую охапку сухих игл и спустилась с вершины. Вокруг дома потом весь день витал мягкий сосновый аромат. Вдыхая его, я огляделась вокруг и вдруг решила, что буду звать этот дом ласково: «Островной домик». Поклонившись у порога, я пообещала, что каждое утро буду выходить из своего островного домика, долго гулять по пляжу или подниматься на вершину холма и — пусть даже в одиночку — обязательно поддерживать в доме порядок и заботиться о нем. Проведя этот маленький обряд, я невольно улыбнулась.

Но уже спустя полдня весь мой задор куда-то исчез, и глубокой ночью какая-то трусливая женщина — то есть я — тряслась от страха. Перепуганная до смерти, я зажгла все свечи, что были в комнате, и вдруг ощутила сожаление: неужели решение жить здесь одной и правда было безрассудным?

Решив поселиться на острове, я в первую очередь должна была привести в порядок этот пустовавший с незапамятных времен дом. По рассказам местных, во времена японской оккупации какой-то японец собирался построить здесь виллу, но так и не закончил ее. Помню, как впервые увидела

очертания этого дома, когда мы наконец сошли на берег после того, как лодка с трудом обогнула все прибрежные скалы. И уже здесь нас ждала первая трудность: дороги к дому не было. Все говорило о том, что последние несколько десятков лет нога человека сюда не ступала. Восторг от того, что мне предстоит жить в таком уединенном месте, продлился недолго: я тут же согнулась, вытянула руки и начала вырывать сорняки, расчищая путь для следующего шага.

После часового сражения с травой мы наконец добрались до дома на вершине холма. Как ни странно, он оказался почти целым. Стоило мне открыть дверь и войти внутрь, как навстречу хлынул прохладный воздух, освежая кожу, разгоряченную и потную после подъема.

В миг, когда я наконец оказалась перед домом, на глаза навернулись слезы. На меня накатили эмоции, словно я забралась на высокую гору и осматривала простирающийся внизу пейзаж. Мне вдруг стало неловко за собственную сентиментальность — я несколько раз моргнула, и слезы тут же исчезли.

Сзади послышался голос Хёнчжу:

— Чжиан!

— Я здесь!

Я поспешно вытерла глаза — вдруг она заметит.

— На сегодня хватит. В следующий раз продолжим.

— Хорошо.

В тот первый день мы почти сразу покинули остров. Потом мы приезжали сюда еще несколько раз, а во время последнего визита, забив всем необходимым лодку до отказа, возвращались в порт аж трижды. Вдвоем погрузить багаж на лодку было непросто, но еще сложнее оказалось выгрузить его на остров. К счастью, Хёнчжу заранее подумала о погоде и выбрала день, когда море было особенно спокойным, так что, таская вещи на берег, мы даже не намочили их.

Пробираться с поклажей по камням, песку и земляной, без единой ступеньки, тропе оказалось непросто. Когда мы наконец перенесли все вещи, был уже полдень. Порт мы покинули на рассвете, так что на все про все ушло шесть часов.

Мы перекусили рисовыми колобками, которые привезли с собой.

— Ну что, с чего начнем? Какая комната для тебя самая важная? От нее и будем двигаться, — предложила Хёнчжу.

И тут я вспомнила о своем главном утреннем ритуале:

— Знаешь, каждое утро я начинаю с того, что разбираю посуду.

— Что? В смысле?

— Я разбираю посуду. И когда жила с мамой, и когда одна, я обязательно доставала тарелки с сушилки, протирала их полотенцем и ставила каждую на свое место.

Хёнчжу, похоже, позабавило, что я сижу посреди такого беспорядка и всерьез говорю о подобных вещах. Она слушала меня с улыбкой.

— Даже не знаю, что ответить человеку, который на необитаемом острове, еще не разгрузив багаж, ведет утонченный разговор о сортировке посуды... Но ладно, давай попробуем. Начнем с того, что установим полку для посуды.

Под руководством Хёнчжу мы молча распилили доску, просверлили отверстия в стене и установили полки. Выглядели они грубовато, но мы соорудили еще и стол, приладив его к стене так, чтобы использовать его одновременно как письменный и как обеденный. Потом я достала из сумки посуду и кухонную утварь, разложила все по размеру на полках и на столе. В распахнутое окно время от времени врвался прохладный ветерок, и аромат соснового леса постепенно наполнял дом.

— Может, выпьем по чашке кофе? — предложила я.

Я прекрасно понимала, что времени на отдых у нас нет, но очень хотела похвастаться своим умением варить кофе. Да и вряд ли у нас с Хёнчжу еще будет возможность просто посидеть и поговорить. Я тут же достала зерна и начала молотить их в ручной кофемолке. Хёнчжу смотрела на меня озадаченно, но, похоже, уловила мой настрой и, достав горелку,

поставила воду кипятиться. Я установила фильтр, насыпала молотый кофе и поднесла чайник.

Смочив кофе всего парой капель, я дала ему «раскрыться» и выпустить воздух. Затем начала заваривать его, поливая тонкой струйкой кипятка. По дому, куда время от времени врвался ветер, поплыл аромат кофе. Казалось, что он наполняет теплом и меня саму.

Хёнчжу посмотрела на меня так, будто наконец поняла, почему я захотела начать именно с этого.

— Аромат правда замечательный.

— Да ведь? Я всегда начинала день с того, что раскладывала посуду, а потом пила кофе.

Смогу ли я начинать утро так же и здесь, на острове?

«Я сохраню этот ритуал любой ценой», — пообещала я себе.

Но одну важную вещь я упустила. Во время прошлых поездок мы всегда возвращались в деревню засветло, и, разумеется, до сегодняшнего дня я ни разу не оставалась здесь в темное время суток. Теперь же я могла только слушать громкий стук собственного сердца. И тут, глядя на пламя свечи, я вдруг поняла, что здесь нет никого, кто мог бы причинить мне вред. Никто не станет плыть сюда на лодке, а хищники здесь не водятся. Осознав эту очевидную истину, я подошла к свечам и погасила их одну за другой. Оставшись в темноте, я сделала глубокий вдох и прислушалась к звукам вокруг.

Я сидела, пытаюсь понять, откуда доносится этот стук, и наконец заметила, что одна из створок окна закрыта не до конца и дребезжит от каждого порыва ветра. Море было спокойным, ветер налетал лишь изредка, и именно поэтому каждый звук казался чуждым, будто незваный гость. «Фух...» — выдохнула я с облегчением и почувствовала себя глупо. Представляю, какое лицо у меня было в тот момент: такое перепуганное, что даже затылок одеревенел. Живя на материке, я хвасталась своим бесстрашием, а тут, спустя всего день на острове, вдруг превратилась в трусиху. В ту ночь и остров казался мне чужим, и я сама себя не узнавала.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

